

"Я всегда сомневался. Даже если бы я тебе нравился, ты такая волевая девушка, я боялся, что ты узнаешь, как я люблю трахаться, и сразу же оттолкнешь меня; я не знаю, как от этого отказаться". Он отпустил ее запястье и медленно провел рукой по ее щеке, лаская ее и глядя вниз на ее улыбку. "Даже сейчас, глядя на тебя, я могу думать только о том, чтобы этот рот поклонялся моему члену".

Прикусив нижнюю губу, Гермиона почувствовала легкое головокружение. "Я удивлен, что мне это тоже так нравится. Но мне нравится, и мысль о том, чтобы позволить тебе взять контроль, позволить тебе иметь меня, как ты захочешь... Это возбуждает меня. Может быть, мне нравится идея отказаться от контроля и не быть умной гениальной девочкой, которая все знает". Она мурлыкнула, потянувшись вниз к их пахам и схватила его член. "Может быть, я хочу, чтобы мужчина держал меня, говорил мне, что делать, и трахал меня, пока я не перестану думать, когда я доверяю ему настолько, чтобы знать, что он хорош для меня. Может быть, я хочу поклоняться члену самого удивительного мужчины, которого я когда-либо встречала". Она улыбнулась, медленно отстраняясь от него.

Гарри и в мыслях не имел ничего похожего на медлительность, и он быстрым движением перетащил Гермиону на место, оставив ее изумленной и растерянной, когда он лег на то место, где была она, и она теперь лежала на животе между его ног, оказавшись лицом к лицу с огромным членом, стоящим перед ней в напряженном внимании. "Если ты хочешь подчиниться, тогда докажи это. Не будь дразнилкой, кусая губы и давая мне "может быть". Покорись мне, Гермиона. Поклоняйся моему члену и восхваляй его своим ртом, который всегда говорит так много сильных, умных вещей. Ты великая женщина, но даже ты не можешь сопротивляться, не так ли?". Его слова становились все интенсивнее и резче, он понял, что ей это нравится, что она испытывает его удачу и границы без всякой реальной заботы или контроля, уверенная теперь в себе.

"Я не могу сопротивляться", - ныла Гермиона. Ее язык скользил по его массивному стволу, а глаза почти перекрестились. "Даже такая сильная, как я, я хочу подчиниться этому чудовищному члену". Гермиона опустилась глубже, находя любовь в том, чтобы просто отдаться ему, когда она вылизывала его ствол, когда она полностью отдалась идее, принимая отчаяние и пылкость своих слов. Поцелуи становились все более голодными и прямыми, более интенсивными, когда глубокое чувство капитуляции охватило ее, когда Гермиона обнаружила, что внутри нее есть потребность, слишком сильная, чтобы ее игнорировать или отрицать. Все ощущалось так прямо и мощно, отчаяние приносило наслаждение в слишком дикой и невероятной форме, чтобы с ним справиться, и это было к их обоюдной выгоде, и она просто отдалась ему.

Агрессивные лизания по всему члену принесли Гарри интенсивное наслаждение, и он распластался на матрасе, стоная в знак благодарности. "Как на вкус мой член?" - спросил он, запутавшись пальцами в непокорных кустистых волосах Гермионы. "А как на вкус твоя пизда на моем члене?" Ему нужно было продвигаться дальше, нужно было отчаянно испытывать пределы, желая получить больше удовольствия и больше поблажек, желая ощутить все это. Он был в постели Гермионы Грейнджер, и его члену поклонялись, и мысль о том, что это действительно может произойти, была абсолютным восторгом, блаженством, которого ему требовалось еще больше, и он толкался, исследовал, проверял, что ему может сойти с рук, и с удовольствием обнаружил, что пока она принимает все это.

"Они такие вкусные", - ныла Гермiona, ее язык пытался втянуть каждую каплю ее собственных терпких соков в погоне за этой странной ситуацией, желание становилось только лучше и голоднее по мере того, как она позволяла этому происходить. "Мне нужно больше". Она никогда не думала, что член может вызвать в ней такие чувства, никогда не думала, что может быть такой противоречивой и отчаянной, но она гналась за этим удовольствием дальше, глубже, горячее, дальше в разрушение и уничтожение, чувство бессмысленности, которое только усиливалось по мере того, как она позволяла удовольствию разрывать ее на части. Гарри всегда был мужчиной, которому она могла бы покорно предаться, и его член просто доказал это.

Ее губы обхватили головку, и она голодно толкалась вниз, прогоняя желание и отчаяние все глубже и глубже, проталкиваясь в то, что казалось непокорным и немного слишком грубым, чтобы с ним справиться, наслаждение вызывало нечто впечатляющее, что-то настолько мощное и отчаянное, что это почти не имело смысла. Она надавила головой вниз, проталкивая в рот такую большую часть обхваченного члена, и с удивлением обнаружила, что даже смогла вместить его целиком, проталкиваясь чуть глубже, стонав вокруг его ствола, руками хватаясь за основание, чтобы удержать его в устойчивом положении, и борясь с мыслью о том, чтобы позволить всему этому случиться, позволить себе сдаться. Идея принять и сдаться казалась такой непокорной и странной, безумием, к которому она была не готова, но на самом деле это было все, чего она хотела.

"Глубже. Соси глубже. Если ты действительно хочешь поклоняться моему члену, я хочу почувствовать твое горло". Он с силой надавил на ее затылок, что было для него удачей, если вообще возможно, но она приняла это, милостиво делая глубокий глоток Гарри, задыхаясь и пытаясь справиться с ним, но она была полна решимости, и ничто не могло остановить ее. Ее глаза полузакрылись от знойного наслаждения, и это зрелище заставило Гарри с трудом держать себя в руках, пытаясь понять, какое удовольствие он может получить, сделав Гермionу своей. "Ты великолепна прямо сейчас. Создаю опасный прецедент, Миона. Теперь, когда я знаю, что могу вместить на тебе все свое разочарование и сделать то, о чем я только мечтал, я собираюсь испытать тебя на прочность".